

Актуальные проблемы современной фольклористики

УДК 811.162

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАШУБСКОГО ЯЗЫКА, СВЯЗАННЫЕ С НАРОДНЫМИ ОБРЯДАМИ И ОБЫЧАЯМИ

В.И. ЕРМОЛА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет, 197170 Санкт-
Петербурге, Университетская набережная, 11, тел. +7 (812) 328 95 24, email:
slavkaf@mail.ru.*

Аннотация

Ермола В.И. Фразеологические единицы кашубского языка, связанные с народными обрядами и обычаями.

Статья посвящена частной проблеме (фразеологизмы, связанные с народными обрядами и обычаями) кашубской фразеологии, которая практически не изучена. Выбор темы определен оригинальностью и непохожестью кашубского фольклорного материала на соответствующие материалы других славянских языков. Кашубская фразеология, связанная с фольклором, чрезвычайно богата компонентами, имеющими отношение к демонологии, что значительно отличает ее от близкородственной ей польской. Результат исследования позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство фразеологизмов состоит из слов свободного употребления. Изучение подобных единиц чрезвычайно много дает для понимания того, каким образом явления народной жизни находят свое отражение во фразеологии.

Ключевые слова: славистика, кашубистика, фольклор, фразеология.

Summary

Yermola V.I. Phraseological Units of Kashubian Language Associated with Traditional Ceremonies and Customs.

The article is devoted to the problem of idioms associated with traditional rites and customs of Kashubian phraseology that has not been studied. Subject of the article is

determined by originality and dissimilarity of Kashubian folklore material in the relevant materials of other Slavic languages. Kashubian phraseology related to folklore, is extremely rich in components that are relevant to the demonology, which significantly differentiates it from closely related to her Polish. The study allows us to conclude that the vast majority of phraseology includes free use of the words. The study of these units are extremely helpful in understanding the way in which the phenomena of national life are reflected in the phraseology.

Keywords: Slavic Studies, kashubistics, folklore, phraseology.

Небольшой славянский народ, называемый кашубами, их язык, кашубская культура в целом, становятся объектом исследований лингвистов, литературоведов, этнографов лишь в середине XIX века. Значительный вклад в дело изучения кашубской проблематики внесли российские ученые, среди которых можно упомянуть П.И. Прейса, А.Ф. Гильфердинга, И.А. Бодуэна де Куртене. Научные труды этих ученых нашли живой отклик у европейских славистов, обративших внимание общественности на трагическую судьбу небольшого славянского народа, издавна живущего на южном берегу Балтийского моря, где соприкасаются две крупнейшие языковые и культурные стихии Европы – мир славянских и мир германских народов. Число говорящих по-кашубски до сих пор точно не определено: считается, что их около трехсот тысяч.

«Для нас должно быть любопытно и дорого всякое сведение, касающееся славянского мира, даже в самых отдаленных и заброшенных его уголках; притом же кашубская речь, особенно в Померании, где ее тип сохранился чище и где она заключает в себе наиболее своеобразных форм и слов, любопытных для филолога, так быстро вымирает, что через двадцать или тридцать лет она, быть может, заглохнет вовсе», писал А.Ф. Гильфердинг [4, с. 3]. Еще более пессимистическую точку зрения высказывал историк П.А. Лавровский: «Принадлежа также к племени ляхскому, будучи ближайшими родичами нынешних поляков, как и давно исчезнувшие с лица земли славяне полабские, кашубы все более и более стесняются на родной земле..., свидетельствуя на каждом шагу и в каждом проявлении своего быта о близости окончательной гибели своей народности под непрерывающимся систематическим и ловким давлением господствующего племени и правительства. Самый увлекающийся оптимист-славянин не откроет в нынешнем народном, политическом и экономическом положе-

нии кашубов никаких залогов прочного их бытия в будущем; напротив, встретит все данные их скорого исчезновения» [6, с. 1–2].

К счастью, эти прогнозы не оправдались. Кашубский язык существует, развивается, изучается. Одной из наименее исследованных областей данного языка можно признать его фразеологию. Этой теме и посвящена данная работа. Фразеологический фонд кашубского языка чрезвычайно богат и оригинален. Толчком к его изучению во многом стал выход в свет капитального семитомного толкового словаря польско-кашубского лингвиста Бернарда Сыхты. Весь фразеологический материал, использованный в данной статье, также извлечен из этого словаря.

Кашубская фразеология, связанная с фольклором, чрезвычайно богата компонентами, имеющими отношение к демонологии, что значительно отличает ее от близкородственной ей польской.

Чаще других в кашубской демонологии упоминается слово *djobeł* (дьявол) и синонимичные ему слова *čart*, *b'es*, *kaduk*, *p'ek'eln'ik*, *smołъon*. Мотивирующий признак враждебности дьявола по отношению к человеку, метафорически использован в многочисленных фразеологизмах, возникших в связи с верой в существование дьявола. Различные отклонения от нормы, связанные с атмосферными процессами, с погодой вообще, объяснялись вмешательством в них нечистой силы. При виде вихря, смерча, дождя со снегом в различных регионах Кашубии говорят: *djobeł loto z motła* – дьявол летает с метлой, *djobeł są ħen'i* – дьявол женится, *djobeł są sełi* – дьявол радуется, *djobeł jidze na jaxtą* – дьявол идет на охоту.

Дьявол в представлении кашубов не переносит запаха ладана и боится раскатов грома, что нашло отражение во фразеологических единицах (ФЕ): *k'ixac jak djobeł v koscele* – чихать как дьявол в костеле, *bojec są jak djobeł g'motu* – бояться как дьявол грома. Грома дьявол у кашубов боится потому, что, по их поверьям, громовые раскаты – это звуки, производимые тачкой с камнями, которую по небу везет извечный враг дьявола святой Петр: *sv'ąty P'otr kam'en'e karęje* – святой Петр везет в тачке камни. О вещи, которую не могут найти, говорят, что ее *djobeł p'ękrił ogoń* – дьявол накрыл хвостом.

Народная фантазия наделила дьявола всевозможными именами – *Lęcęper*, *Jęrk*, *Lataw'ec*, *Zgřęxa*, *Zgvidlok*, *Skarbov'ec*, *Mamon*,

Gnojãř, Skamħox. Однако наиболее распространенными являются Purtk и Smãtk.

Purtk известен в кашубской фразеологии тем, что особенно старательно охотится за душами грешников: *xcëv' ic są jak Purtk na dëľã* - зариться как черт на душу (о ком-либо, старающемся прибрать что-либо к своим рукам), *lecëc jak Purtk z dëľã do p'ekła* – лететь как черт с душой в пекло (о быстро бегущем человеке). В современном кашубском языке слово *purtk* стало абсолютным синонимом слова *djobeľ*. Все ФЕ с компонентом *djobeľ* возможны и с компонентом *purtk*: *spuľćac djobľov z lin' cuxov* – спускать чертей с цепи (ругаться, браниться).

Smãtk в представлении кашубов самый молодой из демонов, который чаще всего является в облике молодой девушки какому-либо мужчине и пытается его соблазнить. Поэтому о влюбленном по уши кашубы говорят *jego xoba Smãtk osamaťaľ* – его, видимо, Смонтк окрутил.

ФЕ *ćerni bãk* (черный жук) возник из представления о магической силе некоего черного жука, способного приносить несчастье: *ćerni bãk vlez v jadra* - черный жук залез в сети (так говорят рыбаки, возвращающиеся домой без улова).

Весьма популярной фигурой в кашубском фольклоре является *farmazin* (фармазон, масон), то есть человек, который продал душу дьяволу на основании договора, подписанного его собственной кровью. По этому договору фармазон никогда ни в чем не нуждается, однако он обязан каждый год возводить какую-нибудь постройку. Этим поверьем объясняется ФЕ *buduje jak farmazon* – строит как фармазон (о человеке, который постоянно что-либо строит в своем хозяйстве).

Gřen' a – в кашубской мифологии является воплощением сна, существом, способным усыплять людей. ФЕ с этим компонентом многочисленны и отличаются, в основном, глаголами, входящими в их состав: *Gřen' a go tleće* (Гженя его бьет), *Gřen' a go dëľi* (Гженя его душит), *Gřen' a go namav'e* (Гженя его уговаривает), *Gřen' a p'ëľed v gosćëna* (Гженя пришел в гости). Все эти фразеологизмы обозначают дремлющего человека. Гженя усыпляет при помощи особого песка, который он сыплет в глаза людей (сравни: *Sandman* в немецком фольклоре): *Gřen' a jidze z p'aska* – Гженя идет с песком (кто-либо засыпает).

ФЕ *dzëva jaxta* (дикая охота) отражает представления кашубов о неизбежной каре за грехи в земной жизни, поскольку «дикая охота» - это души охотников, которые при жизни охотились по воскресеньям до полудня, вместо того, чтобы пойти в костел. «Дикую охоту» не столько видят, сколько слышат, ибо ей сопутствуют звуки выстрелов, крики, свист, лай собак, разносящиеся по лесу. Особенно явственно «дикую охоту» слышат *kłusovniće* (браконьеры).

Rok'itn'ik – злой дух, вызывающий сильный ветер. Народное поверье наделило его крыльями летучей мыши и телом человека. Имя этого демона происходит от слова *rok' icëna* (ракита), ибо именно в зарослях этого кустарника он отдыхает. ФЕ *latac jak Rok'itn'ik* – летать как Рокитник (быстро бегать, нестись как угорелый) мотивирован представлениями о быстром полете Рокитника.

Boryvc в представлениях кашубов – дух, опекающий лес. Он очень пуглив и всегда прячется, если слышит шаги человека. Кроме того он чрезвычайно одинок и обладает способностью наводить на человека меланхолию. С этим поверьем связана ФЕ *spotkac są z Borovcą v lese* - встретиться с Боровцем в лесу (быть очень опечаленным). ФЕ *Boryvc płacë* - Боровец плачет (о звуках, издаваемых деревьями во время их повала) мотивирован основной функцией этого духа – охраной леса.

Puste noc (пустая ночь) – это давний культовый обряд, состоящий в том, что в доме умершего собираются его родственники, соседи, друзья и в течение двух-трех дней бодрствуют у гроба, поют псалмы, читают молитвы. Этим объясняется семантика ФЕ *sp'evac komu na puste nosë* – петь кому-либо в пустую ночь (хоронить кого-то).

Stolem – это мифический великан, которых в Поморье было, в соответствии с многочисленными легендами, очень много. Выглядели они так же как и люди, но голова их была выше самых высоких сосен, они срывали тучи с неба и бросали их на поля. Высокий рост Столема объясняет возникновение ФЕ *krevn'i ze Stolemem* – родственник Столема (о человеке высокого роста).

Широко распространены в кашубском фольклоре легенды о призраке, именуемом Мора. В представлении кашубов Мора – это душа, которая покидает тело крепко спящего человека на время его сна. Она проникает в дом через замочную скважину, уклады-

вається на человека и начинает душить его. Это поверье объясняет семантику ФЕ *blade jakbë go Mora dëwë¹a* – бледный, будто его Мора душила (об очень бледном, плохо выглядящем человеке). Чтобы избежать появления Мора в комнате, в замочную скважину вставляли веточку крушины или перо серой гусыни. Отсюда ФЕ *bojecz są jak Mora łatłaxu* – бояться как Мора крушины (о сильно напуганном человеке).

В связи с тем, что рамки данной статьи не позволяют нам рассмотреть многие другие ФЕ кашубского языка с компонентами фольклорного характера, мы вынуждены ограничиться вышеприведенными. Результаты наших наблюдений позволяют сделать вывод о том, что все же подавляющее большинство ФЕ состоит из слов свободного употребления, что характерно для фразеологии любого славянского языка и отмечено многими исследователями. Кашубская фразеология в этом отношении не составляет исключения.

Во фразеологических единицах, связанных с народными поверьями и обрядами, находят яркое отражение особенности жизни народа, специфика крестьянского труда, проблемы и заботы повседневной жизни. Их изучение дает чрезвычайно много для всех интересующихся тем, каким образом народные представления об окружающем мире, его явлениях и о месте в нем человека находят отражение во фразеологии.

Список использованных источников

1. Бодуэн де Куртене И.А. Кашубский «язык», кашубский народ и «кашубский вопрос». – Журнал Министерства Народного Просвещения, часть СССХ, СПб. 1897, апрель. – с. 306-375; часть СССХІ, май, С. 83–127.
2. Гильфердинг А.Ф. Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века. – СПб. 1861. – 124 с.
3. Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. – М., 1855. – 332 с.
4. Гильфердинг А.Ф. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. – СПб., 1862. – 192 с.
5. Ермола В.И. Кашубско-русский фразеологический словарь. – СПб., 2011. – 148 с.

6. Лавровский П.А. Этнографический очерк кашубов. – Филологические записки. Т. 12, 1873, Вып. IV–V, С. 1–10.

7. Миккола И.А. К изучению кашубских говоров. – СПб., 1897. – 20 с.

8. Прейс П.И. О кашубском языке: Донесение П. Прейса г. Министру Народного Просвещения из Берлина от 20 июня 1840 года. – Журнал Министерства Народного Просвещения, ч. XXVIII, СПб., 1840. – отд. IV, с. 1-24.

9. Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 1-7, PAN, Wrocław, 1967–1976.